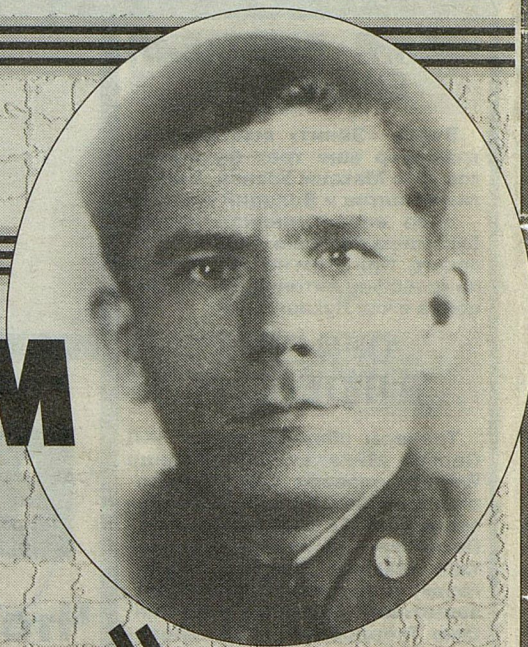

МОЯ ВОЙНА

«ОБ ЭТОМ ВАМ НИКТО НЕ РАССКАЖЕТ...»

Художник Кетов в блокаду создавал наглядную агитацию для Невского проспекта

ХУДОЖНИКУ Александру Кетову 7 ноября исполнилось 90 лет. В середине 30-х он приехал в Ленинград - поступать в Академию художеств. Но на вступительные экзамены опоздал. Знакомые помогли устроиться в Театр оперы и балета имени С. М. Кирова. Занимался он там и декорациями. Даже костюмы Шаляпина реставрировал! А в блокаду созданные им плакаты висели по всему Ленинграду.

«Я пробовал человечину»

- Не окажись я в госпитале, в который была превращена больница имени Мечникова, вряд ли бы выжил. В страшную зиму 41 - 42-го годов с голоду точно бы помер. Но госпиталю нужен был художник - рисовать рисунки анатомического плана, а также плакаты типа «Убей фашиста!», портреты Ленина и Сталина. Я работал санитаром и одновременно рисовал. В госпитале меня подкармливали. Раненый умрет, а паек остается... Когда хлеб, а когда и печенье.

В блокаду я съел и кошку, и собаку. Даже случилось так, что человечины попробовал. Навещал я в госпитале раненого товарища. Военным выдавали папиросы, а ему курить нельзя было. Товарищ отдавал курево мне: «Сменяешь на что-нибудь». И я менял - когда на кусок хлеба, а когда и на пирожок. А однажды смотрю на рынке - студень! Ну и поддался соблазну. За два куса студня отдал четыре пачки папирос. Один кусок с голодухи сразу съел, а второй отнес домой. Возвращаюсь вечером - в квартире запах какой-то странный. Сосед говорит: «Сашка, это же человечина! Разве можно студень на рынке брать?!» Меня несколько дней рвало!

Но самое тяжелое воспоминание о блокаде у меня другое. Мне часто приходилось выполнять функции посыльного. С пакетами по городу мотаться. Иду как-то по улице и вижу: девушка впереди, идет, идет и падает. Чем я могу ей помочь? Приподнял, посадил, прислонил к стенке. Обратно иду - она уже наполовину голая, а груди, ягодицы срезаны... Жуткая картина, я вам скажу.

Ноги под кроватью

- А однажды я попал в трагическую ситуацию. Послали меня с пакетом на Охту. В ту же сторону шла и одна из наших медсестер. Мы с ней не виде-

К огорчению Александра Кетова, его блокадные работы сгорели на помойке

лись где-то с полгода. Через Охтинский мост не пускают - тушат пожар на «Петрозаводе». Спутница моя говорит: «Пойдем ко мне. Я тут рядом живу. Умоешься, часика два отдохнешь и пойдешь дальше по своим делам...»

Комнатка у нее узкая. Две кровати. На окнах бумажные ставни. «Ты ложись, а я сейчас...» Я лег. Она вышла из комнаты, и из-за дверей послышался странный звук: бжик-бжик! Так мясники ножи один о другой точат. И голос мужской: «Ты нож этот возьми! Он поострее!» Я встрепетул. Утро же. В ставнях дырочка была, и солнечный луч прямо под вторую кровать бил. А под кроватью той - ноги! Все, думаю, угодил в ловушку! Сейчас меня зарежут!.. Входит моя спутница, в руках нож. Когда приблизилась к моей кровати, я резко вскочил, свалил ее с ног, нож выбил. Ору: «Ты за что меня?!» Она понять не может, о чем это я. «А ноги под кро-

ватью?!» - объясняю. «Дурак! Это же мои протезы. Юбку задрала, а у нее - протез! И под кроватью - протезы! Делали их плохо, не все подходило. Вот она и подбирала, никак подобрать не могла. Оказывается, за то время, что мы с ней не виделись, медсестра успела ногу потерять. А нож они точили, чтобы лучины для буржуйки наколоть.

«Разжаловать - и в театр!»

- Нужно было отвезти секретный пакет в Инженерный замок. Поехал я на велосипеде. Угодил под бомбежку и оказался в больнице имени Куйбышева. Пролетал месяца четыре. Вышел на костылях, а навстречу мне Рутковский. Художник, у которого я учился мастерству в Оперной студии: «О, Сашок! Мы тебя только что вспоминали! Открылся Блокадный театр, давай к нам...»

Приводит меня к директору театра Барскому. Тот говорит: «Приступай к работе!» - «Как приступай, я же военный!» - «Сейчас будешь гражданским». Звонит в Смольный. Прислали машину - и меня в мой госпиталь отвезли: «Театр открываем, очень нужен Кетов». - «Он же офицер!» Офицеров демобилизовывать нельзя было. Пришлось меня вначале разжаловать, потом перевести в вольнонаемные, и только тогда забрали в театр. В театре оформили рабочим сцены. Чтобы получить рабочую карточку.

Крысы обожали теноров

- В театре были случаи, что артисты от истощения умирали во время спектакля. Комнату за сценой, где прежде хранился реквизит, превратили в морг. Туда зимой складывали трупы. Не поверите, но во время блокады в театр, наверное, сложнее было попасть, чем сейчас. Доходило до того, что военные наганом грозили администратору: «Куда хочешь сади!» Но были и такие зрители, что подкармливали нас. Кто хлеб принесет, а кто даже шоколадку. А вот об этом вам никто не расскажет. Какие музыкальные у нас в театре были крысы и мыши! Тенора им особенно нравились. Как Евгений Михайлов или Кедров запоем, крысы вдоль ramпы рассредоточатся и слушают! Зрители на них уже не реагируют, смеются. Артист приблизится, ногой топнет - разбегутся, но ненадолго.

Невосполнимая утрата

- Моя деятельность театром не ограничивалась. Вся наглядная агитация на Невском была моя! Все эти огромные панно «Смерть немецким оккупантам» и тому подобное я выполнял. С блокадной поры у меня сохранилось не так много работ. Некоторые сделаны с натуры на картоне от упаковочных коробок. Другой бумаги-то не было. Целый сундук набросков - в госпитале я рисовал раненых, врачей, медсестер. Уже после войны жена моя, бестолковая, все вынесла на помойку и сожгла. Она не понимала, какая это ценность. Я как узнал - заплакал...

Владимир ЖЕЛТОВ

Автор выражает признательность за помощь в подготовке материала Евгению Линду, создателю музея «А музы не молчали!».

Фото из архива Александра КЕТОВА